

История одного мира. Часть I

Артём Нахапетов

18+

Артём Нахапетов

История одного мира. Часть I

«Автор»

2016

Нахапетов А. А.

История одного мира. Часть I / А. А. Нахапетов — «Автор»,
2016

В центре "Истории одного мира" - загадочные события в мире, где технологии и космические полеты стали обыденностью. Главные герои - неприметный убийца, следующий своим таинственным целям, рассудительный детектив, пытающийся разгадать серию странных преступлений, и молодой лорд Кевар Аргомантис, бывший военный, чья жизнь неожиданно пересекается с этими событиями. Их истории переплетаются в сети интриг и политических игр, а каждое новое открытие только углубляет тайну. Этот роман - не просто история о преступлениях и расследованиях, это рассказ о сложных человеческих судьбах на фоне величественного космического мира.

© Нахапетов А. А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	6
Омбро	6
Кевар	9
Глава 2	19
Омбро	19
Кевар	23
Глава 3	27
Омбро	27
Детектив Теманов	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Артём Нахапетов

История одного мира. Часть I

Темно. Очень темно и тихо. Настолько тихо, что я слышу, как сердце тугими ударами толкает кровь по телу. Кто я? Где я? Почему я здесь? Мне страшно, я не знаю, что делать. Мне остается лишь тишина и темнота, да гулкие удары сердца.

Глава 1

Омбро

Свет окон Дворца Верховного совета мягко ложился на зелёную лужайку, широким полукругом тянувшуюся вдоль всего фасада. Металлическая стена здания будто бы выростала из густой травы и уносилась на невероятную высоту, чуть ли не до самого атмосферного купола. Где-то вдалеке, почти на самой границе зрения, маленькие светящиеся окна сливались со звездами за почти прозрачной сферой, мерцающей тусклым сиреневым светом. В воздухе витали сладковатые ароматы цветущих растений, а из расположенного неподалеку космопорта доносились едва различимые запахи мазута, озона от двигателей, пыли и машинного масла.

Омбро пришла к дворцу пешком, чтобы ее космобайк не засекали многочисленные сканеры и патрули. Она преодолела немалое расстояние, чтобы добраться сюда от центра города, и ноги с непривычки сводила судорога. Но расстояние было не главной проблемой. Устройство города не было рассчитано на перемещение без летательного транспорта, так что в некоторых местах пройти пешком было очень непросто – особенно в центре, где огромные дома-шары выростали из земли так плотно друг к другу, что казалось, будто эти гиганты прижимаются в каком-то неведомом страхе.

Пройти незамеченной охрану не составило большого труда – Омбро преодолела забор одним хорошо рассчитанным прыжком и сразу откатилась в большой куст какого-то растения с далекой планеты. Пробраться через широкую лужайку было несколько сложнее – приходилось ползти на животе, периодически застывая, когда неподалеку по дорожке проходил охранник. Оказавшись возле стены дворца, Омбро на несколько секунд задумалась, в каком направлении вдоль нее двигаться дальше. Исходя из плана здания, по всей длине фасада было несколько хорошо замаскированных технических люков, но только один из них подходил по своему расположению: через него можно было напрямую попасть в вентиляционную систему здания, и дальше – до нужного этажа и помещения.

Из самой стены люк выступал на несколько миллиметров, так что в полумраке найти его можно было только на ощупь. Омбро несколько раз провела пальцами по шероховатой поверхности, затем вытащила из потертого заплечного мешка резак и начала прогревать металл на стыке люка и стены, постоянно оглядываясь по сторонам. В этой части лужайки дорожек не было, и охранники бродили на безопасном расстоянии. Аккуратно прикрывая собой маленький огонек резака, Омбро за несколько минут спилила крышку; она тихонько скрипнула и отвалилась от стены. Ловко поймав толстый металлический кругляш свободной рукой и отложив его на траву, лазутчица убрала горелку и просунула голову в образовавшуюся в стене темную дыру. Как она и предполагала, люк вел прямо в широкую вентиляционную трубу, поднимающуюся из подвала через все этажи. Оценив обстановку, она быстро пролезла в узкий лаз, извиваясь всем телом.

Широко расставив руки и ноги, упираясь в скользкий металл трубы, Омбро начала карабкаться вверх. Мысли о том, что ей надо на тридцать седьмой этаж, и сколько для этого нужно преодолеть метров подъема, она сразу постаралась отогнать. Для этого на маленьком сенсорном браслете, управляющем космокостюмом, она включила в меню проигрывание в стереодинамиках шлема звуков дикой природы планеты Коске-Орте и продолжила подъем.

Восхождение заняло у нее около часа. Несмотря на исправно работающий климат-контроль костюма, пот заливал глаза, стекал по спине и скапливался у поясницы. При этом не было никакой возможности даже смахнуть капли со лба или почесаться, и только путем невероятных усилий она сдерживала желание свернуть костюм.

Исходя из плана здания, выведенного на маленький экран внутри шлема, она определила, когда достигла нужного этажа. Прямо перед ней была узкая решетка вентиляционного окна, забранная под таким углом, что через нее было не заглянуть в помещение. Омбро, упираясь в стенку уже начавшими дрожать от усталости ногами, вновь вынула резак и принялась прогревать металл вокруг окна. Действовать надо было максимально аккуратно и тихо, чтобы хозяин кабинета, в который стремилась попасть Омбро, не услышал ни звука. Когда она вдруг различила доносящийся сквозь решетку вентиляции сдержанный кашель, от неожиданности и напряжения вздрогнула – и выронила горелку. Глухо стукаясь о стенки, она начала свое долгое падение с тридцать седьмого этажа. Омбро проводила ее долгим взглядом, но всё же большая часть работы уже была проделана, и образовавшийся люк держался лишь на узкой полоске металла. Его можно было и выбить ногой, но, раз уж решила действовать скрытно, то нужно придерживаться плана.

Из заплечного мешка она вынула глушитель, а из кобуры на поясе – энергетический пистолет, переоборудованный из полицейского. Перевела оружие в боевой режим, выставила минимальную мощность, прикрутила глушитель. Тщательно прицелилась и выстрелила в оставшуюся не отрезанной полоску металла. Огненный сгусток вгрызся в стену, расплавляя ее, но, как Омбро и надеялась, насквозь не прошла. Подумав мгновение, она открутила глушитель и кинула пистолет вслед за горелкой. Потом она аккуратно подцепила пальцами образовавшийся люк и отодвинула на пару сантиметров, чтобы заглянуть в кабинет.

Комнату слабо освещала лишь настольная лампа у противоположной стены, да из окна справа просачивалась полоска тусклого света. Меблировка была богатой, даже вычурной – огромные шкафы с резными украшениями, бордовые текстильные обои с золотистым цветочным рисунком, темно-золотые гардины. Такое оформление помещения можно встретить только в здании государственного учреждения, подумала Омбро. Всё дело, вероятно, в том, что делам, совершаемым в таких заведениях, может способствовать только всё самое отвратительное и лишённое какой-либо красоты.

Хозяин кабинета сидел за столом, обложившись кипами бумаг и был полностью сосредоточен на работе. Света единственной лампы не хватало, чтобы разглядеть человека достаточно хорошо, можно было точно сказать только, что он молод и богат: одет по последней столичной моде в дорогой бордовый камзол с разноцветными узорами. Тем не менее, Омбро его узнала сразу: по движениям, наклону головы, хриплому кашлю.

Омбро кинула срезанный кусок металла в трубу, и тот улетел в темноту вслед за резаком и пистолетом. Потом осторожно перенесла центр тяжести, ухватилась обеими руками за край образовавшейся дыры и, протиснувшись в узкий проем, бесшумно спрыгнула на ковер. От человека за столом ее отделяли лишь несколько метров, и Омбро еще раз внимательно всмотрелась в его лицо, знакомое до омерзения. Она свернула маску шлема в пространственный карман.

Человек за столом все также продолжал работать, не поднимая головы от бумаг. Пора заканчивать дело, решила Омбро, и быстрым шагом направилась к столу. Чиновник испуганно вскинул голову и потянулся к запястью с браслетом-компьютером, управляющим космокостюмом. Но, увидев лицо гостя, остановил руку и облегченно выдохнул, хотя через мгновение в его глазах отразилось сильное удивление.

– Ты? Что... что ты тут делаешь?

Омбро молчала и, склонив голову набок, стояла вплотную к столу, возвышаясь над человеком.

– Эй, что ты тут делаешь?

Странно. Омбро действительно неплохо помнила этого человека. Красивое капризное лицо, светлые вьющиеся волосы, собранные в причудливую копну на макушке, холодные глаза

– этот человек был из богатого, древнего рода, а к таким холеным, довольным собой, наглым лицемерам Омбро испытывала самую лютую ненависть.

Их взгляды встретились, и неожиданный приступ безумного, бесконтрольного страха чуть не шиб Омбро на пол, но невероятным усилием воли она вернула контроль над собой и теперь уже разозлилась на саму себя не на шутку, что, вероятно, отразилось и на ее лице.

– Что с тобой, черт возьми? – испуганно воскликнул хозяин кабинета.

Вместо ответа Омбро молниеносным движением выхватила из набедренных ножен узкий ритуальный стилет и воткнула его в шею чиновника. Отступила на шаг, отстраненно наблюдая, как меняется выражение на красивом лице, как из уголков искривленных в гримасе губ начинает тонкими струйками течь кровь, как голова опускается и с глухим ударом бьется об стол.

Омбро постояла еще пару секунд, наблюдая за умирающим и дергающимся в судорогах человеком, потом повернулась и направилась к большому шкафу с выдвижными ящичками – картотеке. Ей предстояло сначала найти нужные бумаги, а потом – сделать основную часть работы, самую грязную, но необходимую, а еще замести все следы и заглянуть в кабинет этажом выше, в надежде на большую удачу.

Что ж, до рассвета было еще четыре часа, и времени было предостаточно.

Кевар

Молодой лорд Аргомантис, недавно вернувшийся с войны за Большой Кристальный пояс, до сих пор не оставил привычки к чуткому сну, поэтому сразу очнулся от громкого настойчивого стука в дверь семейной резиденции. «Красс откроет», – лениво подумал он и перевернулся на другой бок, однако стук повторился, и еще раз, и еще. Под такой аккомпанемент лорд окончательно проснулся и тогда только спросонок вспомнил, что отец, уезжая в дальнюю резиденцию на орбите Варки, забрал с собой всю многочисленную родню и прислугу, в том числе и старого дворецкого Красса, много лет служившего дому Аргомантисов.

Лорд чувствовал себя абсолютно разбитым, будто и не спал вовсе. Он помнил, что ночью ему снились какие-то несусветные кошмары, что-то мерзкое и пугающее. После войны такие сны преследовали его постоянно, и он уже и забыл, когда последний раз нормально выспался. Вероятно, в те прекрасные дни, когда он еще сидел в штабе в тылу и занимался красочным и захватывающим освещением боевых действий для гражданских каналов и журналов – с тех пор, как он волей случая попал на передовую, спокойный сон ушел в небытие.

Тем временем, кто-то продолжал осыпать дверь градом ударов, и стало понятно, что просто так он не уйдет. Молодой лорд сполз с узкой кушетки в крошечном служебном закутке, служившем ему спальней и кабинетом, накинул на бледное жилистое тело шелковый халат и побрел через громадный богато обставленный холл к двери. Уже почти подойдя к двери, он вспомнил, что забыл активировать космокостюм, выругался и приложил палец к браслету на запястье, запуская процесс активации. После чего костюм по ячейкам начал разворачиваться вокруг его руки, груди, шеи, головы, а затем и всего тела, полностью покрыв его прочнейшей чешуей. У всех Аргомантисов, как и у некоторых других древних родов, были уникальные космокостюмы и маски, сделанные на заказ в одном древнем храмовом ордене.

Молодой лорд особенно любил лицевую часть шлема на своем костюме – она идеально повторяла за ним эмоции, которые появлялись на его лице. Особенность, необходимая любому уважающему себя аристократу, даже такому несветскому как Аргомантис-младший.

Тем временем, он поправил халат, съехавший на бок по чешуйчатой поверхности костюма, изобразил на лице некое подобие приветливой улыбки, чтобы маска приняла подобающее наследнику уважаемой семьи выражение. Гладкая мутновато-зеркальная поверхность маски тут же среагировала на изменения и собралась в несколько гротескное лицо, с излишне правильными пропорциями и пустыми глазницами, светящимися ярким голубым светом, уродливое в своей излишне стерильной красоте, но в то же время почти живое. Лицо настоящего аристократа.

Все эти манипуляции заняли у лорда около пяти минут, так что удары в дверь стали уже почти угрожающими, и вполне могли снести ее с петель. Лорд быстрыми движениями отключил электронный замок и распахнул дверь. Занесенная для очередного мощного удара рука гостя по инерции опустилась, но уже не на дверь, а на лоб Аргомантиса. Металлическая перчатка с оглушительным звоном отскочила от блестящей поверхности маски, не оставив на ней и следа.

Маска лорда транслировала высшую степень недовольства, и прошедший через модуляторы голос, глубокий и ровный, сообщил гостю некоторые малоизвестные сведения о правилах хорошего тона. Тем временем Аргомантис внимательно изучал гостя через синеватые стекла глазных прорезей маски. Нежданный посетитель оказался высоким господином в темно-сером космокостюме городской полиции. Маска его была лишена каких-либо эмоций – это уже была полезная функция для детективов и оперативников. На лбу шлема красовалась бордовая цифра «один», обозначающая офицерский ранг капитана полиции. «Хорошее начало дня, только полиции мне и не хватало для полного счастья», – подумал лорд.

– Старший капитан полиции детектив Джуджур Теманов, – чеканно отрапортовал здоровяк.

– Кевар Аргомантис, лейтенант тринадцатого космодесантного полка. В отставке. Чем обязан? – лорд говорил учтиво, но в его словах сквозила холодная усмешка.

– Многоуважаемый лорд...

– Многоуважаемый лорд – это мой отец. А я, как вы можете заметить, не совсем он. Так что можете называть меня просто лорд или вообще как вам заблагорассудится, я не обижусь.

– Как скажете, лорд, – нерешительно кивнул полицейский, – в любом случае, мне поручено передать вашей семье важные новости, причем срочно.

– Срочно так срочно, – пожал плечами Аргомантис, – прошу.

Кевар подвинулся на полшага в сторону, пропуская полицейского. Попав в холл резиденции, детектив начал с любопытством оглядываться. За время своей долгой работы в полиции он бывал в огромном количестве всевозможных домов – и в бедняцких лачугах, и в домах богатейших дворянских семей, но такую роскошную обстановку как здесь, он раньше встречал разве что в королевском дворце, где он был как-то раз, когда сопровождал комиссара несколько лет назад.

Холл был огромен: помещение в три этажа высотой, вдоль всех стен – балконы с резными перилами, а напротив входа – широкая мраморная лестница. Стены были увешаны стягами с символикой семьи – серебристый богомол в боевой стойке, занесший свои тонкие лапки над головой, на черном фоне. Над лестницей на втором ярусе висел огромный голографический герб все с тем же богомолом. Пол и лестницу устлали ковры с высоким ворсом. На стенах в тех местах, где не свисали многочисленные стяги, красовались платиновые лампы, светившие ярко-белым. В доме витал аромат старой благородной деревянной мебели и кристальной чистоты. В общем, резиденция Аргомантисов впечатляла гостей с порога.

Закончив осматриваться, полицейский вновь обратил внимание на молодого лорда; тот стоял позади, расслабленно прислонившись к деревянной стенной панели, сложив руки на груди, и с насмешливым выражением маски смотрел на растерявшегося от окружающей роскоши капитана. Детектив прокашлялся и вновь обратился к Кевару:

– Многоуважаемый... молодой лорд, могу ли я поговорить с лордом Рором-старшим?

– Боюсь, что это маловероятно. Для этого вам придется преодолеть половину королевства, потому что вчера вся семья умчалась отдыхать в семейную резиденцию на Варке.

– Скверно. Что ж, тогда, полагаю, вы передадите то, что я вам расскажу, отцу, да и остальной семье.

– Это смотря какая новость. Отец, знаете, очень трепетно относится к своей памяти и не забывает ее ненужной информацией.

– Боюсь, что это информация его все же заинтересует, лорд. Несколько часов назад ваш брат, лорд Рор-младший, был найден мертвым в своем кабинете. И у нас есть основания полагать, что он стал жертвой убийства. Я от лица нашего правительства выражаю вам свои соболезнования...

Выражение маски Кевара непроизвольно изменилось, теперь оно транслировало высшую степень удивления.

– Вот оно как. Не могу сказать, что сильно расстроен... Знаете, я не был с ним близко знаком, хоть мы и братья. Политическая карьера не способствуют развитию теплых чувств. Но убийство? Он же был всего лишь заместителем казначея – зачем его убивать? Ограбление? – даже через динамики шлема голос Кевара звучал неуверенно и напряженно.

– Нет, мы не думаем, что это ограбление. Кроме того, это не единственное убийство за эту ночь. Мертвым был обнаружен в своем кабинете и начальник вашего брата, казначей Варден, – по едва уловимым сочувствующим интонациям в отфильтрованном голосе полицейского становилось понятно, что он вроде и не должен делиться подробностями дела, но удержаться

не может, – лорд, я понимаю, что сейчас вам тяжело, да и время раннее, но вам все же придется слетать со мной в участок.

– Мне придется лететь с вами прямо сейчас, в такую рань? Зачем? Мне в любом случае придется связаться с семьей, чтобы решить все дела с похоронами и прочим...

– Нам нужно провести опознание тела, а вы, как оказалось, на данный момент единственный родственник покойного, который находится в городе. Мы бы не хотели раньше времени афишировать произошедшее, решили пока оставить все внутри управления и вашей многоуважаемой семьи. Вы уж сами решите, что и когда сообщать общественности, тем более что вы-то в этом сами отлично разбираетесь. Я, к слову, был большим поклонником ваших репортажей... Простите, что-то я разговорился, – смутился детектив, – вам еще надо будет подписать несколько важных документов. Не беспокойтесь, это все займет у вас не больше двух-трех часов.

– Опознание? Это еще зачем?

– Вы сами все увидите, лорд.

– Бездна с вами, капитан. Дайте мне пару минут, чтобы собраться. Можете пока выпить чего-нибудь, где-то в этом доме наверняка есть кухня, я точно помню, – с этими словами молодой лорд быстрым шагом вышел из холла, а капитан остался стоять посреди холла, переминаясь с ноги на ногу и любопытно оглядываясь.

Аргомантис вернулся минут через десять, сменив халат на строгий костюм военного покроя, но без армейских знаков отличия. Темно-синий приталенный пиджак, черный жилет и темно-синяя рубашка с высоким воротом удачно контрастировали с серебристой почти зеркальной «кожей» космокостюма. Когда они вышли на улицу, маска лорда вновь приняла дежурное холодно-учливое выражение, да так с ним и застыло. Капитан Теманов заметил эту перемену и неодобрительно покачал головой, когда Кевар отвернулся. «Эти аристократические повадки у них впитываются с молоком матери, похоже. Человек пять лет провел на войне, а ведет себя все также».

По широкой подъездной дорожке они подошли к небольшому каплевидному полицейскому космолету, покрытому ржавыми потеками и кое-где дырками, прожженными энергетическим оружием.

– А я думал, что эту модель теперь используют только в армии, на периферии. Я на такой летал еще в начале войны, и даже тогда они считались древними дерьмовыми развалюхами.

– Нет, летают еще старички... Новых моделей мало, а те, что есть, идут в основном в королевскую гвардию и государственный отдел безопасности. Ну а мы, как всегда, обходимся тем, что остается.

Они втиснулись в узкую двухместную кабину. Детектив Теманов проверил показания приборов и поднял крошечный космолет над резиденцией Аргомантисов. Сделал круг над ней, набирая высоту, и направил транспорт над крышами богатейших домов Аристократического полумесяца в сторону вздымавшихся вдалеке шаров городского центра.

Слева по курсу темным пятном растекся заброшенный район номер 7 с его обветшалыми зданиями и горами мусора.

– А правда, что революционеры в седьмом прячутся? – нарушил тишину Кевар.

– Нет, лорд, это вряд ли. Мы часто устраиваем туда рейды, чтобы гонять бездомных – там только подпольные нарколаборатории иногда накрываем, не более. Местечко слишком мерзкое даже для революционеров.

– Я все не могу понять, почему вы до сих пор этих крыс не накрыли. Как пять лет назад было, так и сейчас осталось – все те же мелкие акции, взрывы в торговых центрах да пассажирских лайнерах – новости только об этом и кричат. Вроде ничего серьезного, но люди-то продолжают гибнуть.

– Сил у нас не хватает на них, лорд. После начала войны уровень преступности и так вырос, так что революционеры – не главная наша проблема... Мы обязательно потом с ними разберемся, но сейчас нам не до них, – ответил капитан.

Кевар задумчиво покивал и снова отвернулся к окну. Весь оставшийся полет они провели в молчании. Проскочив между громадными сферическими домами жилых районов, они, наконец, добрались до главного управления полиции, кубического здания в самом центре города. Космолет сделал пару кругов вокруг него и начал снижаться к одному из многочисленных посадочных модулей. С противным скрежетом старенький транспорт втиснулся в не менее древние парковочные зажимы, несколько секунд подрожал на холостом ходу и застыл, посвистывая остывающим двигателем. Пассажиры с трудом пролезли через узкие проходы между дверьми корабля и пропускным клапаном входа и оказались в крошечной приемной.

Верхние пять этажей здания полиции занимал собственно участок, а нижние пятнадцать были отведены под центральную тюрьму. Такое соседство не радовало никого – ни полицейских, ни тюремщиков, ни заключенных, но архитектура заново отстроенного век назад города подразумевала максимальную экономию места, так что приходилось терпеть. Изначально тюрьма планировалась как временный «сортировочный» пункт, и большая часть заключенных ожидала в нем суда, а потом направлялась в отдаленные орбитальные колонии, однако, с учетом невероятно выросшего за последние несколько лет уровня преступности и арестов, «временное заключение» для многих растягивалось на месяцы и годы.

В приемной молодой лейтенант за стойкой отсалютовал капитану и глубоко поклонился Аргомантису. Серебряную маску лорда узнавали почти везде, несмотря на то, что уже пять лет он не появлялся в столице, да и лицом военной кампании перестал быть больше двух лет назад. Тем не менее, его помнили, а многие и относились с почтением.

Морг располагался на нижнем этаже участка, занимая его полностью – трупов в последнее время было не намного меньше, чем заключенных. Огромное темное ледяное помещение с сотнями столов наводило на самые неприятные мысли и вселяло трепет в любого, кто входил в него.

Моргом с самого основания участка ведал старый Крр Орр, существо без определенной расы и племени. Так уж сложилось, что давным-давно все многочисленные нечеловеческие диаспоры были выселены из столицы. Кто остался в пригородах, облепивших пространство вокруг Стольного Астероида как полипы, кто убрался в дальние периферии – но в черте города встретить кого-либо не человекообразного было почти невозможно. Древнее семейство чешуекрылых бабочкообразных Северяновых держали сеть лучших в городе аптек; еще несколько представителей вымирающих старых охранителей доживали свой век при Старобожьем храме, да еще светляки на Аристократическом полумесяце; все остальные расы в черте города были представлены одной семьей – дипломатами в Верховном совете при короле. И у каждого было личное разрешение, выданное за подписью Его Величества. У всех, кроме Крр Орра. Он был единственным легальным нелегалом во всем городе. На самом деле, никто доподлинно не знал, к какой расе он вообще относится: во всяком случае, ни к одной, что входили в состав Королевства в последние две-три тысячи лет. Сам он тоже то ли не знал ничего толком, то ли не хотел делиться информацией о своем прошлом. Однако в своем деле он был непревзойденным профессионалом, и потому ему позволили остаться в городе во время всех чисток. Тем более что жил он там же, где и работал – в морге, и никому не мозолил глаза.

Младший Аргомантис познакомился с ним еще во время своего обучения в университете, когда, вопреки воле отца, решил проходить практику не в Верховной коллегии или суде, а в полиции. С тех пор и до самого ухода на войну он время от времени навещал старого знакомого. Иногда лорд приносил ему деликатесы с семейной кухни, взамен получая интересную и порой весьма секретную информацию, которую потом использовал в своих журналистских анонимных опусах.

Когда Джуджур и Кевар спустились на дрожащем и скрежещущем лифте в морг, Крр Орр завтракал. Его многочисленные рты, хаотично расположенные на огромном склизком теле, активно пережевывали бутерброды, цыплят и торты, которые он хватал десятками своих серо-коричневых щупалец с огромного стола. В то же время, три его руки с тонкими длинными пальцами на других столах вскрывали одновременно три трупа. С учетом необъятного колышущегося туловища, большую часть которого занимал желудок, и длинных щупалец, получалось, что обитатель морга занимал почти все помещение и легко дотягивался до любого угла.

К посетителям повернулась крохотная голова с десятками выпученных глаз и приблизилась, вытягиваясь на очень длинной тонкой шее.

– Какие люди, неужели это Малыш Кевар? – прошипела сотня ртов. Крр по какой-то никому неведомой причине всегда разговаривал только вопросами, – Давненько не виделись, верно? Как жизнь, говорят, отвоевал ты свое? Надоело на халявных харчах жить, захотелось фирменных семейных пирогов с печенью? – Крр глухо рассмеялся, потом резко остановил смех, будто вспомнив о чем-то, – очень печально, что мы встретились по такому грустному поводу, правда? Мои соболезнования, примешь?

– И тебе не хворать, старый обжора. Я смотрю, ты все больше и больше, хотя казалось бы куда уже, – улыбка Кевара получилась на удивление искренней, – да, жалко, что так вышло с братом... Хотя все мы не вечные. Кроме тебя, понятно, старый хитрец.

– И то верно, дружище, и то верно, действительно? – ухмыльнулись десятки ртов, – Капитан, тело вон в том углу, видите? – Крр ткнул щупальцем в сторону единственного ярко освещенного стола.

Посетители прошли через ряды накрытых простынями трупов, голова Крр следовала за ними на своей тонкой шее и продолжала вещать:

– Убили обоих профессионально, аж дух захватывает от такого красивого и качественного исполнения, представляете? Убийца явно мастер высокого полета, стилетом пробил сонную артерию, вы давно такую точность видели?

– Убийца-профессионал... Значит, это все-таки вряд ли революционеры, – задумчиво пробормотал капитан.

– Рушится главная версия? – сочувственно спросил Кевар.

– В целом, да. Если бы у них появился такой спец, они бы не стали разминаться на казначея и его помощника. Насколько мы знаем, сейчас их основная цель – министр обороны лорд Кафраш. Уже десять неудачных покушений за два месяца.

Они подошли к освещенному столу. Тело, лежавшее на нем, было накрыто белой простыней, с расплывшимся красным пятном на уровне лица.

– Лорд Аргомантис, как давно вы видели брата без космокостюма?

– Перед отлетом на фронт, чуть больше пяти лет назад. После моего возвращения не виделись вообще. А что?

– Сможете опознать его по каким-либо чертам вроде шрамов, пигментации?

– Думаю, смогу. Постараюсь.

Капитан быстрым движением сдернул простыню с трупа, и она упала на пол. Зрелище, представшее Кевару, поразило даже его, повидавшего ужасы войны. Молочно-белое тело было полностью покрыто вырезанными прямо по плоти буквами, а на месте лица было мясисто-красное нечто с проглядывающими белыми вкраплениями черепа.

– Лорд, можете ли вы подтвердить, что это ваш брат, Рор Аргомантис-младший?

Кевар наклонился к трупу, делая вид, что изучает приметы, хотя сразу заметил большой зигзагообразный шрам на правой ключице – его брат получил в детстве тростью отца, когда случайно разбил голографическую фотографию матери. На самом деле сейчас Кевар вчитывался в символы, вырезанные на теле. Полагаясь на свою фотографическую память, он отложил анализ текста на потом – сейчас было не до того.

– Да, капитан, я абсолютно уверен, что это мой брат. Вот эти три родинки и шрам на ключице. Было бы, наверное, лучше, если бы вы предупредили меня об этом заранее.

– Прошу прощения, но дело повышенной важности и секретности, жертвы – высокопоставленные чиновники, сами понимаете. Нельзя распространяться о подробностях за пределами участка, приказ комиссара. Вам, кстати, еще придется подписать соглашение о неразглашении. Только давайте поднимемся ко мне в кабинет, нечего тут задерживаться, право слово.

– Как скажете, капитан, – Кевар действительно хотел уйти из помещения морга как можно скорее. И все же он отметил про себя некоторое несоответствие в словах полицейского: сначала рассказал подробности о расследовании, и лишь потом сообщил о секретности. Странно.

Они попрощались с Крр и поднялись на лифте на шестнадцать этажей выше, где располагался отдел расследования убийств, или просто Плохой угол, как его называли сами полицейские. Здесь служили самые лучшие, смекалистые и хорошо подготовленные детективы и оперативники. В то же время это были самые жесткие и суровые люди во всем управлении. Стать своим в Плохом углу – цель любого уважающего себя копа, но добиться этого могли только лучшие из лучших.

Кабинет капитана Теманова располагался в дальнем углу этажа, и был обставлен в том же мрачном типовом стиле, что и все помещения здесь – металлические панели и мебель, узкие бойницы окон, старые кряхтящие компьютеры.

Капитан сел за узкий стол, Кевар расположился на скрипящей табуретке напротив. Пока Теманов заполнял бумаги для подписи, лорд получил возможность хоть немного поразмыслить над сложившейся ситуацией.

Спросил у капитана, можно ли закурить, из кармана пиджака достал электронный ингалятор, заправленный лучшим сортом кристальной пыли (такую качественную собирали только в одной провинции Королевства, в разрушающемся скоплении кристаллов Мбали), свернул маску, забил трубочку и, уже не задумываясь о правилах хорошего тона, сделал глубокую затяжку. Тело как будто перестало существовать, все его самовосприятие сконцентрировалось в голове, и он смог сосредоточиться на своих мыслях.

С семьей Кевар не имел уже давным-давно никаких контактов: пару раз в год общался с отцом, а с братом – и того реже. Причин для этого было много, но, тем не менее, какие бы у них с братом и отцом ни были отношения, каким бы Кевар ни был оторванным от семьи ломтем, он действительно был опечален гибелью брата и хотел понять, что же все-таки произошло.

Мысли свободно скользили мимо, и ему было достаточно только выхватить нужную. Воспоминания, логические связи, догадки, идеи – все это стало овеществленным, таким же реальным и осязаемым, как и мир вокруг. Такой концентрации он мог добиться и с помощью медитации, но на приведение разума в подобное состояние путем дыхательных упражнений требовалось значительно больше времени.

Когда действие кристальной пыли закончилось, Кевар задумчиво спросил у детектива:

– Послушайте, капитан, у вас есть какие-нибудь рабочие версии? Хоть что-то? Кроме того, что это, скорее всего, не революционеры – это уже и так вполне очевидно.

Полицейский оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на Кевара. Потом вздохнул, пощелкал клавишами на запястье костюма – маска по ячейкам свернулась, открыв молодое лицо с волевым подбородком, коротко остриженными черными волосами, смуглой кожей и ярко-зелеными умными глазами.

– Лорд, я понимаю, что вам тяжело. Все-таки он ваш брат. Но и вы поймите – у нас почти нет людей, мы пытаемся умирять народные волнения, сдерживать последствия нападений революционеров, ну а антивоенные митинги с кучей вооруженных кретинов под лозунгами «Сложим оружие!» – это вообще нечто. В общем, мы, само собой, будем пытаться разобраться в этом деле, но я не могу вам обещать никаких быстрых результатов. Говорю вам честно и

надеюсь, что отцу вы передадите... в чуть более мягкой форме, – во время всей речи лицо детектива выражало искреннее сочувствие, но на последней фразе стало почти испуганным – видимо, вспомнил, с кем говорит. Впрочем, Кевар оценил и искренность собеседника, и то, что тот удосужился снять маску для более эмоционального диалога. Да и говорить хоть что-нибудь отцу он не планировал. Но делать с этим все равно что-то надо было, он просто не мог оставить все как есть.

– Я понимаю, конечно, все понимаю. Но... знаете, я, пожалуй, могу помочь. У меня за плечами много чего, военная разведка, в том числе... Могу оказаться полезным. Вы, кстати, уже проанализировали по своим базам послание?

– Какое послание?

– Как какое? Которое на теле брата, – Кевар видел непонимающее выражение лица капитана, поэтому решил сразу пояснить, – там надписи, на древнем языке куахири, его до сих пор используют последователи некоторых монашеских орденов, насколько я помню. Странно, что вы не заметили. Я сейчас отыскал пару старых книг в электронной копии семейной библиотеки – я их когда-то читал... В послании говорится что-то вроде... Сейчас, попробую перевести.

Кевар повернул к себе сенсорный экран на столе капитана и принялся сосредоточенно писать, водя по стеклу пальцем, время от времени зачеркивая и стирая. Через несколько минут повернул экран обратно к детективу. На черном фоне светились яркие буквы:

Начало положено смерти,
Коса пожнет всех причастных.
Не зря принесены жертвы эти,
Но лишь для спасенья несчастных.

– Как-то так примерно это выглядит в переводе. Есть какие-нибудь идеи?

– Если честно, нет. Но я загружу и перевод, и оригинал в аналитическую программу – может что-то и найдем. А... откуда вы знаете этот язык? – с любопытством спросил детектив.

– Как я уже сказал, в свое время я немало читал – а память у меня неплохая. Что-то еще, как оказывается, помню.

– Еще раз благодарю вас за желание оказать помощь следствию, лорд. Если что-то станет известно или если нам действительно понадобится ваша помощь – я дам вам знать. И будем надеяться, что наш убийца в столице пролетом, и больше жертв не будет, – устало вздохнул капитан, возвращаясь к документам.

После более чем насыщенного утра Кевару была остро необходима хоть какая-то разгрузка: нервы его, хоть и привычные уже к большим стрессам, натянулись до почти осязаемого звона. В ответ на вежливое предложение капитана Теманова подвезти его до дома, лорд отказался и отправился на ближайшую станцию общественного транспорта.

Детектив произвел на него исключительно положительное впечатление: он казался вполне приятным человеком, что было редкостью для представителя государственного учреждения. Но главное, капитан показался лорду профессионалом своего дела – а это было еще большей редкостью. Так что Кевар решил не отвлекать лишний раз полицейского от дела – чем быстрее начнут полноценное расследование, тем больше будет шансов найти убийцу – так он для себя решил. Кроме того, и эта причина на самом деле была куда важнее (хотя сам Кевар себе в этом не хотел признаваться): ему было чрезвычайно трудно сходитьсь с новыми людьми, и общество даже самых приятных и положительных личностей крайне его тяготило. Причин для этого было множество: начиная от аристократического воспитания и привычки всегда держаться отстраненно и холодно, и до приобретенной за годы жизни в столице и, особенно, на фронте, нелюбимости.

На скамейках за стеклянными стенками остановки, приютившейся на крыше здания управления полиции, в унылом оцепенении сидели несколько человек самого потрепанного вида – то ли только что отпущенные и еще не поверившие в свою удачу мелкие жулики, то ли бездомные, греющиеся горячим воздухом из вытяжек на крыше здания. Само собой, ни о каких космокостюмах тут и речи быть не могло: бедолаги или лишились права ношения этих незаменимых устройств за правонарушения (что автоматически переводило их в самую низшую и бесправную касту), или просто променяли свои браслеты на дрянной алкоголь.

Накренившееся табло с расписанием транспорта сообщало, что ближайший аэроэкспресс, следующий по маршруту Новый город – Аристократический полумесяц, ожидается через четверть часа. Недовольно посопев, Кевар прошелся туда-сюда мимо грязного стеклянного короба остановки. Угрюмые соседи не обратили на него никакого внимания или, скорее, сделали вид, что не обратили – все-таки не каждый день в этих местах встретишь раздетого отставного офицера, а уж тем более лорда.

А вот для Кевара как раз не было никакой новизны в таком соседстве: на фронте он и не такое повидал, вроде бы, ну что ему были эти несчастные? Но, на удивление, они умудрились одним своим видом вконец испортить его и без того паршивое настроение.

Если бы не его всегдашнее везение весьма специфического свойства (хотя, это еще с какой стороны посмотреть), позволившее ему выжить на войне и на первый взгляд не особенно применимое в гражданской жизни, им непременно полностью завладел бы очередной приступ черной меланхолии – почти до физической боли, как уже не раз бывало в последнее время. Но везение все же осталось при нем, и перед остановкой откуда-то снизу выплыл маленький красный космолет; откидной колпак кабины отполз вверх, и знакомый голос весело окликнул Кевара:

– Товарищ лейтенант, не желаете ли составить прекрасной даме компанию в небольшом путешествии?

– Сесси, это ты, что ли? – Кевар недоверчиво всмотрелся в смутные очертания силуэта пилота. Корректирующие его плохое зрение стекла шлема порой настраивались крайне долго.

– Ну а кто же еще. Залезай, небольшой тур по столичным забегаловкам тебе сейчас точно не помешает.

Юный лорд не заставил собеседницу повторять приглашение и проворно впрыгнул в кабину.

Маленький корабль несся чуть выше разрешенного уровня, и вокруг раскинулся великолепный вид на медленно просыпающийся в утренней дымке город. Искусственное солнце неторопливо поднималось по небесной сфере и меняло цвет с бледно-розового до оранжевого и дальше к ярко-желтому. Его блики отсвечивали от блестящих поверхностей зданий и бегали по синей глади раскинувшегося вдалеке озера Пунги.

Кевар бросил любопытный взгляд на попутчицу. С Сессилией Вайт они были знакомы с давних пор, еще до войны. Когда они виделись последний раз – а это было незадолго до его отбытия на фронт – она как раз поступила на службу в полицию на должность помощника главного психолога объединенного учреждения: тюрьмы и центрального участка. Вернувшись в город, Кевар навел справки: за пять лет Сесси умудрилась дослужиться до звания капитана и должности главного психолога, причем стала специализироваться в том числе и на переговорах с террористами. Глядя на старую знакомую, он пытался понять, какой отпечаток наложили на нее прошедшие годы, и не мог найти значительных изменений: все тот же задорный блеск в темных карих глазах, все те же смешливые складки в уголках рта – как будто бы она была все той же юной и веселой студенткой, разве что не по годам мудрой. Конечно, он искренне порадовался за нее – хоть кто-то сумел сохранить в себе радость и интерес к жизни в эти непростые годы. Но в то же время где-то в самой глубине густой мерзкой жижей заклокотала

черная зависть – уж кому-кому, а Кевару вовсе не удалось пронести через эти годы и малой части того беззаботного жизнерадостного парнишки, которым он когда-то был.

Впрочем, он постарался как можно скорее отогнать мрачные мысли и запрягать их как можно дальше: все же, когда имеешь дело с одним из лучших психологов страны, лучше контролировать свои эмоции. С другой стороны, Кевар в конце концов предположил, что от Сесси ему все равно вряд ли удастся хоть что-нибудь скрыть, и решил нарушить тишину:

– И чем живет нынче главный полицейский психолог?

– Ага, выяснил уже, молодец, – в ответ девушка одарила его кривой, но вполне дружелюбной усмешкой и быстрым взглядом из-под длинных светлых ресниц. Маску она принципиально не носила почти никогда, считая, что многовековая традиция прятать свое лицо исключительно негативно сказывается на психике населения, – главный полицейский психолог живет в основном постоянным общением с буйно помешанными опасными для общества террористами и запуганными, уставшими от собачей жизни полицейскими. И тех, и других нужно по возможности привести в чувство, только, сам понимаешь, для разных целей и разными методами... В общем, жизнь достаточно насыщенная, но в то же время сил и времени ни на что, кроме работы, не хватает.

– Мне кажется, что, даже если бы в начале карьеры единственной твоей профессиональной обязанностью было перекладывание камушков из одного ящика в другой, в итоге ты пришла бы к тому, что мало того что грузила бы огромные глыбы, так еще бы и их заставляла тебе изливать душу.

– Да, могу с гордостью признать, что работоспособность – это вполне себе моя сильная сторона, – серьезно кивнула собеседница, лихо управляя кораблем одной рукой, энергично жестикулируя другой, – и психология тоже неплохо мне подходит. Очень интересно разбираться в мотивах людей, залезать в самое сокровенное...

– Меня радует, что ты смогла реализовать в том, что тебе действительно интересно, – с едва ощутимым уколом зависти сказал Кевар.

– И ты реализуешься, не переживай, – как будто прочитав его мысли, ответила Сессилия. «А может, и правда она стала настолько крутым психологом, что определяет даже малейшие колебания интонаций? Не удивлюсь, если так и есть», – подумал Кевар, но вслух сказал только:

– Как-то уже не очень в этом уверен. Последние пять лет научили меня очень многому, но в сухом остатке – только самая малость, и все как-то неприменимо к мирной жизни.

– Ну так иди к нам на службу, в полицию всегда нужны толковые кадры. Или в королевскую гвардию, или вот даже в разведывательное управление... Хотя туда совсем трудно попасть, но почему бы не попытаться.

– Дело в том... В общем, я бы действительно хотел завязать с тем образом жизни. Да, после того как меня занесло на фронт – а я туда, Бездна дери, совсем не хотел, меня обучили разведке, убийству и много чему еще, но мне это совсем не по душе. Знаешь, как-то не мое. Ты же вроде в курсе, что все мои тесты всегда показывали склонность к вольным творческим профессиям – а никак не к службе в военных и государственных структурах. И, кстати, после того, каким образом я закончил службу, меня даже постовым в полицию вряд ли возьмут.

– Это ты про Фрактуру?

– Именно, да. А ты в курсе? – удивился Кевар.

– Самую малость, все-таки твое дело еще долго будет засекречено. Но зато у меня есть пара бывших однокашников в Центральном военном реабилитационном центре.

– А, ну тогда все ясно. Не удивлюсь, если доктор Перова – одна из этой пары, уж очень она усердствовала, выпрашивая о моем прошлом.

– Да, Виктория и еще доктор Скрэт, начальник ночной смены.

– Помню такого, да. Щупленький усач, в круглых очках.

– Ага, именно он.

– И что же, они тебе рассказали мою душещипательную историю? А как же врачебная тайна?

– Родной, на офицеров в военное время такие штуки как врачебная тайна, право на личную тайну и много чего еще не распространяется. Военная тайна – дело другое, но главному психологу столичной полиции некоторую информацию о возвращающемся с фронта отставном офицере они были обязаны предоставить. Впрочем, ничего “слишком” секретного они мне и не рассказали. К сожалению, – Сессилия кинула на него быстрый, но цепкий и пронзительный взгляд, – провалы в памяти продолжают?

– К сожалению, да. То есть до реабилитации они регулярно случались, прям как в детстве. Сейчас пока не было, но я все равно не особо уверен в своих воспоминаниях.

– Ты не думал, что нам пора возобновить сеансы? Раньше был очевидный прогресс.

– Вообще говоря, было бы здорово. Но сейчас как-то не до того, если честно. Но все равно спасибо.

– Не хотела на ходу с тобой это обсуждать, но все же, как ты? Вы с Рором, конечно, никогда не были близки, но все-таки родной брат...

– Ты и об этом уже знаешь?

– Да вот только что пообщалась с Джуджуром Темановым, он мне и сказал, что ты недавно от него вышел. Так как ты?

– Нормально, – как можно более спокойно ответил Кевар, но тут же спохватился, – хреново, конечно, но терпимо. После всего, что приключилось со мной на Фрактуре, к смерти я отношусь спокойно... Вернее, даже безразлично. Но я очень надеюсь, что Теманов сумеет найти ублюдка, сотворившего такое с братом. Если будет необходимо – помогу, чем смогу.

– Реакция правильная, только смотри, не наломай дров. А то я тебя знаю, ввяжешься в заварушку, и потом опознавать придется уже твой изуродованный труп.

– Жестко. Ты стала суровой.

– Справедливой. И честнее. Но не о том речь. В общем, пожалуйста, будь осторожен. Похоронами ты будешь заниматься? – Кевар не ожидал такого вопроса, да и не успел еще об этом подумать. Немного поразмышлял и ответил.

– Вряд ли. По семейной традиции, Аргомантисов хоронят только в Серых лесах в фамильных угодьях у Варки. Так что распоряджусь отправить Рора к отцу.

– Ты очень спокоен, раньше бы ты реагировал по-другому.

– Война, Сесси, меняет людей. Вот и я не исключение. Да, мне жаль брата, но эта жалость и грусть где-то будто очень далеко от меня. Намного сильнее меня гложет другое чувство. Желание найти убийцу. Вот я и думаю: а может, это мой шанс? Теперь я смогу сделать хорошее дело, помочь найти психопата, отомстить за брата по справедливости. Так что в чем-то я даже рад случившемуся, как бы это ни звучало.

Сессилия посмотрела на него очень долгим взглядом, но ничего не ответила. Дальше они летели в тишине, а потом, когда неспешно прогуливались по просторной набережной озера Пунги от одного старого кафе к другому, большие темы больше не затрагивали: вспоминали прошлое, обсуждали последние светские сплетни. Кевар был вполне доволен таким времяпрепровождением – все-таки он искренне соскучился по старой подруге, с которой его связывало многое. И, что важнее, она связывала его самого с прошлым, с этим городом, с нормальной жизнью.

Глава 2

Омбро

Канализация столицы была намного древнее самого города, который был полностью снесен не раз за его историю: во время метеоритного дождя Трехтысячного года от Планетарного Исхода, во время обеих войн с пентами и еще несколько раз – правда, уже частично.

При этом город отстраивался заново, в то время как канализация кое-где реставрировалась – да и только. Густая сеть древних лабиринтов вгрызалась вглубь огромного астероида, поверхность которого покрывал город. Как червоточины, коридоры расползлись в гигантском камне, и бесконечным переходам, залам, лестницам и шахтам не было счета.

Про Нижний город, как его называли в народе, ходило множество легенд, большинство из которых, конечно, были просто сказками из разряда городских ужасиков, но некоторые были вполне правдивы.

Омбро же не было никакого дела до слухов – канализация была ее тайным убежищем последние пару месяцев, и ее интересовала только безопасность и недоступность. Просторное помещение, располагавшееся чуть ниже старого технического уровня и служившее раньше, по всей видимости, складом припасов на время осады города, подошло ей идеально. Достаточно удаленное от используемых техническими сотрудниками маршрутов, но при этом совсем рядом – заброшенная ракетная шахта старых систем обороны, по которой можно быстро попасть наружу, и не где-то, а в седьмом районе, пустующем со времен Лунной чумы. А главное, что тут было достаточно места для хранения аппаратуры и припасов. Впрочем, она уже давно нашла для себя другое убежище, самое надежное и скрытое, но для хранения оружия и прочих приспособлений, необходимых в ее деле, оно не подходило.

Предыдущая ночь, наконец-то, принесла долгожданные плоды – начало претворению ее плана в жизнь было положено, и даже намного удачней, чем она планировала. На самом деле, разобраться с казначеем она рассчитывала через пару месяцев, но, придя за Аргомантисом, обнаружила этажом выше и самого Вар-дена. Не воспользоваться шансом было глупо, разве что только второе послание она не подготовила, а жаль. Ей стало интересно, насколько быстро полицейские начнут хоть о чем-то догадываться. Игра, которую она затеяла, была чертовски опасной, но отказываться от своего плана она не собиралась – никто и не думал, что будет просто, а риск есть всегда и во всем.

Причем с каждым ее шагом риск и опасность только увеличивались, но останавливаться было нельзя. Вот и сейчас, вместо того, чтобы отсидеться хотя бы пару дней, Омбро, следуя плану, собралась в новую вылазку. По узкой расшатанной лестнице, поднимавшейся спиралью по стенкам глубокой ракетной шахты, она вскарабкалась на поверхность. Осторожно подняла крышку люка, осмотрелась. Вокруг было темно и тихо, как и показывали камеры, установленные ей в округе. Тихо выбралась из шахты, прикрыла и без того не очень приметный люк досками и строительным мусором, в огромном количестве сваленными в этой части района. Со всех сторон – пустые малоэтажные дома с черными провалами окон, разваливающиеся прямо на глазах. Вдалеке с одной стороны – светящиеся гиганты шаровых домов, с другой – переливающийся размытыми фонарными огоньками Аристократический полумесяц. Над головой – защитный купол, почти прозрачный, а за ним – открытый космос, миллиарды звезд и миров. Омбро остановила поток отвлеченных мыслей, вывела из неприметного закоулка космобику и рванула в сторону центра города, набирая высоту.

Она пролетела весь центр насквозь, стараясь прижиматься как можно ближе к крутобким стенам зданий, проскальзывая в узкие проемы арок навесных переходов и мостиков, лави-

руя между парящими в воздухе дешевыми продуктовыми магазинчиками и избегая крупных воздушных магистралей, проложенных вдоль верхних ярусов домов. Вся столица была нашпигована камерами слежения и жучками, принадлежащих как государству, так и корпорациям – за людьми следили с абсолютно разными целями. Службы безопасности пытались выискивать и отлавливать недовольных режимом, нарушителей порядка и прочих неугодных обществу и государству личностей. Корпорации же отслеживали привычки и предпочтения населения, для того чтобы лучше продавать свои бесконечные и в большинстве своем бесполезные товары. Слежка, однако, осуществлялась только в тех местах, где постоянно находилось большое количество людей, в то время как достаточно было немного изменить свой маршрут, чтобы обнаружить изнанку процветающего общества потребления: обветшалые стены, горы мусора и прочую грязь. Желаящих столкнуться со всем этим почти не было, поэтому именно такими путями, спрятанными в тени и не привлекающими лишние взоры, и приходилось пользоваться Омбро.

Пару раз байк царапал стены корпусом, его начинало закручивать так, что легко можно было сорваться с огромной высоты в темноту нижних трущоб, но Омбро привычными движениями возвращала его в исходное положение.

Бешеная гонка закончилась достаточно быстро. Оставив жилую часть центра позади, она попала в офисный район с тысячами зданий всевозможных форм и размеров. Но и здесь она не задержалась, лишь пронеслась темным пятном мимо представительств банков и семейных корпораций, подсвеченных разноцветными неоновыми логотипами. За офисным кварталом широким темным пятном раскинулся Парк Планетарного исхода. Это было огромное зеленое пространство в несколько сот гектаров, местами покрытое ухоженными лужайками, местами – дикими густыми зарослями всевозможных экзотических растений с далеких планет. В центре парка высился громадный монумент в форме спирали, Галактика Памяти. Впрочем, в народе его называли исключительно Червем Амнезии. Поставили его в последний год правления предыдущего короля, в честь ветеранов войны с пентами, а буквально следующим указом король лишил прав на материальную помощь последних оставшихся в живых из тех самых ветеранов.

Вне зависимости от названия, монумент был замечательным объектом искусства – больше трехсот метров в диаметре, выполнен из алмазного стекла со светящимся разноцветным газом внутри. Ночью Галактика впечатляла особенно сильно, освещая большую часть парка и близлежащие районы, заменяя искусственное солнце, отключенное до утра. Слева среди деревьев торчал несуразный конус Старобожьего храма, необычное по своей архитектуре строение, уходящее своей узкой частью в землю, а широкую плоскую площадку возносящее к небесам. Вдали, далеко за краем парка, за темнотой озера Пунги, высился Королевский дворец, окруженный тускло мерцающим энергетическим куполом.

Омбро проскочила между огромными трубками Галактики и, не снижая скорости, начала спускаться навстречу верхушкам деревьев. Вскоре до земли оставалось уже не больше десяти метров, байк летел над брусчатой дорожкой, вокруг свистели извивающиеся ветки Аргонских акаций. Это была самая безлюдная часть парка; дело в том, что ландшафтные дизайнеры, высаживая эти акации в парке, не учли, что при взаимодействии с взвешенными в городском воздухе примесями их кора и листья становились в высшей степени ядовитыми. Таким образом, кусок парка площадью около гектара превратился в зону отчуждения, в которую не рисковал заходить никто. Ну или почти никто. Например, Омбро направлялась именно сюда.

Ближе к середине Аргонской пуши она остановила свой байк, примяв густую ни разу не стриженную траву. Внимательно осмотрелась, наконец, увидела то, что искала, и быстрым шагом направилась к толстой акации. Ее ствол в обхвате был не меньше пяти метров, ярко-желтая гладкая кора отсвечивала в призрачном свете Галактики, а по дереву плясали тонкие черные тени ветвей. Омбро осмотрела дерево, обошла вокруг него пару раз. Потом заметила

маленький сук на уровне глаз и потянула его вниз. Под ногами что-то заскрипело, задрожало, и часть дерева с куском дерна уползла вниз, открывая узкий темный проход. Омбро сняла с пояса армейский пистолет, активизировала его и прикрепила в специальный паз сверху мощный крохотный фонарик. Внимательно посмотрела напоследок по сторонам и шагнула в темный провал.

Лестница была настолько узкой, что Омбро цеплялась металлическими наплечниками костюма за каменные стенки, издавая тихий, но противный скрип. Узкий белый луч фонаря выхватывал старую кладку на стенах и потолке и прогнившее дерево ступеней, кое-где торчали корни акаций. Даже сквозь фильтры костюма пахло сыростью, перегноем и еще чем-то сладким, возможно, пылью акаций. Спуск продолжался не меньше десяти минут, а в конце ее ждала массивная железная дверь с пятнами ржавчины и прожилками голубой плесени. Не останавливаясь, Омбро выпустила несколько тепловых снарядов в район замка и плечом распахнула жалобно застонавшую дверь.

За дверью было просторное помещение с высоким бетонным потолком. По потолку в несколько рядов шли яркие лампы, освещавшие скудную обстановку зала: нестараемые оружейные шкафы, ряды двухъярусных кроватей, огороженные ширмами столы. Насколько Омбро могла оценить на первый взгляд, зал был почти пустой, если не считать привалившегося к колонне совсем рядом с входом полусонного парнишки лет шестнадцати, по всей видимости, оставленного за часового.

Среагировав на грохот двери, парнишка встрепенулся. Омбро могла и не трогать его, но ей надо было продемонстрировать серьезность своих намерений и показать, кто есть кто. Поэтому она коротким быстрым движением ударила часового в кадык, милосердно обеспечив тому почти моментальную смерть. Жалобно пискнув напоследок, с тихим шлепком паренек опустился на пол. Перешагнув через тело, Омбро неторопливо прошла через зал к двери в противоположной стене, попутно осматривая помещение. Небогато живут господа, совсем небогато. Но в ее ситуации выбирать помощников не приходилось.

Когда он почти уже пересек зал, дверь открылась ей навстречу. В проеме показался крупный мужчина в болотного цвета армейском космокостюме, без шлема. Лицо его было испещрено сетью тонких шрамов, а через лоб, начинаясь от бритой налысо макушки, шел безобразный ожог – вероятнее всего, от выхлопа рефлекторных двигателей.

– А вот и наша мастерица пожаловала, – глухим бесцветным голосом поприветствовал гостью мужчина. Мельком глянул на мертвого парнишку, недовольно цокнул языком – но вслух никак не прокомментировал, – меня зовут Ванти Кхала, руковожу центральной ячейкой.

– Надо обсудить кое-что.

– Ну само собой, я вас ждал... Спасибо, что связались с нами. Я только так и не понял, вы из какой-то региональной ячейки организации? Странно, что меня не предупредили об акции в моем городе.

Омбро молча смотрела на собеседника, буравя его взглядом своих светящихся красным визоров. После нескольких секунд молчания, она все тем же ровным голосом ответила:

– Нет, я не из ваших. И не из сочувствующих. Сочувствовать таким как вы – не в моих правилах. Но я хочу предложить вам сделать хоть что-то полезное.

Судя по вытянувшемуся лицу собеседника, его несколько ошарашили слова Омбро, равно как и форма их подачи, но, еще раз быстро взглянув на труп часового, он, видимо, решил быть максимально учтивым. Вместо этого он нервно кивнул и пригласил гостью пройти в небольшой скромно обставленный кабинет. Кроме массивного стола и пары колченогих стульев, в узкое помещение вместились только раскачивающаяся под потолком лампочка без абажура; запах сырости и плесени здесь был еще сильнее, чем в первом зале и на лестнице.

Омбро настроила воздухозаборники костюма, чтобы они не пропускали запахи извне, и смогла, наконец, сосредоточиться на цели своего визита, не отвлекаясь на навязчивые рвотные

позывы. От предложения присесть на не вызывающий доверия стул она отказалась, и сразу перешла к делу:

– Хочу обсудить всего одно дело: готова ли ваша революционная ячейка оказать мне посильную помощь?

– Мочить зажавшихся уродов – всегда пожалуйста! С вашими умениями мы горы свернем! К аристократам так просто не подобраться, с нашими-то ресурсами...

– Дело не в ресурсах. Просто у вас руки растут не оттуда. В первую очередь мне нужно, чтобы вы не мешались мне под ногами – это раз. И два – я хочу, чтобы в любой момент по моей просьбе вы были готовы сделать то, что я скажу. Тогда буквально через несколько месяцев мы доберемся до самых верхов. И никакой самодеятельности без согласования со мной.

Было видно, что лысый вовсе не был согласен с поставленными условиями, но на его обезображенном лице явно читалась внутренняя борьба: эта странная мрачная госпожа в тяжелом боевом космокостюме, с глухим скрежещущим голосом, только что легко убравшая казначея, об убийстве которого они даже не помышляли, да еще и заодно с его наглым подпевалой Аргомантисом, была для них крайне необходима. С другой стороны, Обожженный строил и организовывал деятельность на благо революции в этом городе уже много лет, и эта заносчивая особа сильно его раздражала и беспокоила. Нет, конечно, она не могла быть засланным агентом или вроде того – ее действия говорили сами за себя. Но то, как она себя ставила... Тем не менее, единственно верное решение было принято, лысый тяжело вздохнул и ответил:

– Да, идет... Идет. Каков план?

– Для начала: завтра я сделаю еще один ход, после чего хочу переждать некоторое время в укрытии. Пока я буду в тени, вы должны будете сделать немного мелкой, грязной, но полезной работы. Потом я с вами свяжусь. Здесь, – он протянул чип, – вся информация. Если сделаете все грамотно – продолжим совместную работу, если нет – всех вас ждет его судьба, – она ткнула пальцем за спину, в направлении бедолаги-часового.

– Хорошо, да. Спасибо... Как мне с вами связаться?

– Никак. Я сама назначу встречу, и, пожалуй, на нейтральной территории – здесь у вас мерзковато. На этом все, – Омбро развернулась и направилась к выходу.

– Товарищ! Последний вопрос! Как вы нас нашли? Мы же так неплохо спрятались тут... Под самым носом у копов...

– Неплохо? Вам просто пока везет, что копы еще тупее вас. От ваших генераторов идет такой электромагнитный фон, что мне вообще странно, как к вам еще электрики не заявились со штрафами. И не надо называть меня товарищем, я вам не товарищ. Зови меня Омбро.

Кевар

Предыдущий день у Кевара выдался далеко не самым приятным, а очередная ночь с кошмарами добила его окончательно. Так что лорд решил, что ему непременно стоит отдохнуть и поразмыслить обо всем случившемся.

Он вообще любил поразмышлять – умственная, духовная разрядка была для него, пожалуй, самым главным и непременным условием осмысленного и комфортного существования. Другое дело, что возможности спокойно остаться наедине с собой у него всегда было крайне мало, особенно в последние годы. Без этого силы его истощались, нервы окончательно изнашивались, а эмоции теряли из своей палитры все оттенки, оставляя лишь блеклые серые полутона.

В качестве меры для борьбы с душевной хандрой Кевар выбрал на этот раз прогулку по любимой части города, Аристократическому полумесяцу и прилегающей к нему части Королевских Полей. Он накинул потертую легкую куртку из тонкой кожи дракона абисто (выловленного еще его прадедом где-то в глубинах Бездны), заправил брюки в высокие сапоги и активировал костюм. Теперь он стал хоть немного походить на нормального в представлении столичных жителей человека, и такая роль могла гарантировать ему спокойную прогулку. Вообще, как он давно уже заметил, лучшая маскировка в человеческом обществе – это умение никак не выделяться из него. Особенно, если на самом деле ты для этого общества нечто вроде отмершего куска кожи на мозоли, который все никак не может оторваться – вроде и не сильно досаждаешь, но все же достаточно, чтобы напрягать окружающих – ведь ты не дотягиваешь до благонадежного, положительно-усредненного члена уважаемого общества.

Выйдя за территорию усадьбы, Кевар вдохнул полной грудью. Через систему очистки воздуха костюма прошли какие-то жалкие отголоски запахов – что-то терпкое и немного сладковатое, но абсолютно невнятное. Секунду поколебавшись, он свернул маску и снова втянул в себя порцию воздуха, уже настоящего, не очищенного. Голова тут же закружилась от обилия цельных запахов и бесконечного числа оттенков. Здесь всегда была ранняя осень, а воздух был еще не прогрет до дневной температуры. Вокруг витал запах легкого морозца, смешанный с благоуханием опавшей листвы, отцветающих акаций и чистой мостовой, а издали доносились ароматы свежее испеченных булочек с корицей и еще что-то едва уловимое, что вызвало у Кевара теплые воспоминания из далекого уже прошлого.

Вернув маску на место, он направился по мощеной разноцветными полупрозрачными камнями аллее, окруженной высокими желтеющими тополями, в сторону Обзорной площади, чтобы взглянуть на город, который он за пять лет войны почти забыл.

Искусственное солнце поднялось уже достаточно высоко, и с холма в форме полумесяца, по вершине которого растянулся фешенебельный район с фамильными вилами древнейших родов страны, открывался замечательный вид на просторы жилых кварталов. Темное отвратительное пятно района номер 7, опухолью прилипшее к подножию новых кварталов, от взоров городской элиты закрывала живая изгородь исполинских размеров, тянувшаяся вдоль всей северо-западной оконечности холма. В темно-зеленые густые ветви вечнозеленого кустарника-гиганта были вплетены многочисленные прозрачные сферы, в которых жили разумные светлячки из Треугольника огненных планет, одной из самых дальних окраин Королевства. В свое время, когда все лица нечеловеческого происхождения были вынуждены покинуть столицу, светлячки (сами себя они называли Народом Внутреннего Света) смогли добиться Высочайшего разрешения остаться жить внутри атмосферного купола. В качестве платы за это их дома-шары и самих светлячков стали использовать в качестве фонарей, а потом и просто для украшения города. А пару десятков лет назад, когда народ внутреннего света набрался смелости и изъявил желание основать свой собственный квартал и жить не порознь, а рядом друг с другом, все прозрачные дома собрали вместе и вывесили на изгородь на Аристократическом

полумесяце. С тех пор светляки оказались ближайшими соседями самых влиятельных людей Королевства, и многие из них даже умудрялись заводить полезные знакомства и пробиваться в верхние слои общества.

Среди светляков у Кевара был один хороший знакомый по имени Боб, и, насколько Кевар сумел выяснить, сейчас он занимался изучением родины Народа Внутреннего Света, заброшенной триады огненных планет в глубине Бездны. Аргомантис решил для себя, что когда, в конце концов, столица доведет его до исступления, он слетает навестить старого товарища – явно лучше, чем прозябать в обществе столичных кутил.

Пройдя мимо изгороди, Кевар вышел на узкий каменный язык, выпирающий из Обзорной площади и холма на несколько десятков метров. С него открывался самый лучший вид на эту часть города. Сферы домов жилого квартала вдали, за Королевскими Полями, сверкали на солнце до боли в глазах. На их фоне ярко-зеленые просторы Полей приятно контрастировали со стеклянным блеском монументальных зданий, взгляд отдыхал на столь редком островке природы.

Кевар с любопытством осматривал город, в котором он провел немало лет, но который так и не стал ему родным. Столица, шумная, пыльная, многогранная, погрязла в суете, делах, пороке и лжи. Он никогда не любил политиков, чиновников, торговцев – всех тех, кто паразитирует и наживается на других людях – а тут их концентрация на квадратный километр была значительно выше допустимой нормы.

Налюбовавшись вдоволь видом, Кевар решил спуститься по широкой мраморной лестнице с холма, где по окраине Полей расположились многочисленные рестораны, уличные кафе и бутики – в общем, все то, что необходимо для приятного времяпрепровождения избалованным роскошью аристократам. Впрочем, кроме дорогих и безвкусных магазинов, тут были и крайне милые и уютные кафешки, прятавшиеся в старинных двориках, и неплохие семейные ресторанчики. Достаточно было немного углубиться в сторону от главной улицы, и можно было найти даже крохотные лавки со всевозможными самодельными украшениями, старинными космокостюмами и прочими любопытными штуками для ценителей душевных вещей. Немного побродив среди цветастых зонтиков и ярких витрин, Кевар вскоре нашел свое с давних пор любимое кафе «Судьба Деткина» и пристроился за круглым столиком на уличной веранде. По грубым потемневшим от времени доскам настила легкий ветерок, задувавший с Полей через узкий проем между двумя трехэтажными домами, лениво гонял несколько опавших листьев: ярко-желтый, бордовый и сморщившийся коричневый. Кевар наклонился и подцепил пальцами изъеденный тлением и временем крохотный листик. Два других пощеголяли еще немного своими яркими красками и унеслись в неизвестном направлении. А ущербный малыш остался в руках Кевара. Тот долго рассматривал ломкие края и засохшие прожилки, явно проступающий узор на полупрозрачной поверхности листа. Потом молодой лорд аккуратно убрал листик в нагрудный карман куртки и сделал заказ владельцу кафе, старому, хромоту на обе ноги, Арнольду Деткину.

Запах крепкого настоя из коры Варского дуба немного взбодрил, а терпкий чуть сладковатый вкус напитка, растекающийся по языку горячими волнами, настроил мысли на правильный лад. Он оставил длинную трубочку, тянущуюся из специального стакана, подключенной к системе циркуляции жидкости шлема и неторопливо потягивал настой, погружаясь в свои мысли. Глазные прорезы закрылись сплошной тонировкой, так что Кевар остался в полной темноте, и ничто не мешало размышлениям и воспоминаниям.

Мысли его по обыкновению начали разбегаться и углубляться все дальше и дальше в пучину памяти. Порой у него складывалось ощущение, будто он тонет в этом круговороте воспоминаний, что они затягивают его все глубже и глубже. Раньше он даже жалел, что некому вытащить его из этой трясины, пробовал забываться в вечеринках и увеселениях, но это не помогало, а скорее даже усугубляло его склонность к рефлексии. Бывало, что он уходил в себя

прямо в разгар веселья, и это отталкивало многих – людей со странностями мало кто хочет терпеть рядом с собой, мало ли что от них можно ожидать. Поэтому, вероятно, он в итоге и начал медленно, но верно, выпадать из социума – сначала время от времени стал под различными предложениями отлучаться из столицы, а потом и вовсе решил отправиться на фронт. Но, кроме всего прочего, самую большую роль во всем этом сыграли его отношения с семьей и особенно с отцом.

Тут же всплыли воспоминания далекого детства, как всегда, отрывочные и частично смазанные. Редкие теплые воспоминания из того времени ему подарила мать, единственный человек, который хоть немного его понимал, от которого он всегда ощущал тепло и любовь. На самом деле он плохо помнил, как она выглядела, какой у нее был голос – но зато он никогда не забудет ее запах, теплый, нежный аромат лаванды и корицы. Еще он помнил, что она была все время грустной и часто плакала. Теперь-то он понимал, что это из-за его отца, и что-то поменять он все равно был не в силах, но тогда, будучи добрым ребенком, он старался ее успокоить, мастерил ей подарки из металлических пластин и кусочков дерева. И лишь одна вещь осталась у Кевара от матери до сегодняшнего дня и хранилась в потайном сейфе на его личном бездню-лете. На его четвертый день рождения мать подарила ему маленькую белую шкатулку из кости дракона бездны, с тонкой работы рисунком, изображающим герб рода ее отца, оборвавшегося на ней же – ветвь вереска, оплетенная тонкой цепочкой.

Всплыли новые воспоминания. Ему пять лет. Они с семьей на охоте в угодьях близ резиденции на Варке: Кевар, средний брат Кррик, мать и отец. Старший брат Рор тогда уже уехал учиться в школу-интернат, куда потом отправились и младшие. На белогривых трехголовых жеребцах, гордости семейства Аргомантисов, неторопливо едут мать и отец, они вновь ссорятся. Щеки отца красны от гнева, мать, наоборот, бледна, но еще не плачет. Про детей они уже и забыли в своих спорах, и они плетутся сзади на крошечных пони. Кевар уже привык к извечной войне между родителями, но он всегда чувствует где-то в глубине, как страх холодными пальцами сжимает его маленькое детское сердце. Он широко открытыми глазами смотрит снизу вверх на мать, и ему очень хочется как-то защитить ее, ударить маленьким кулаком отца, остановить его – только чтобы он не кричал на мать. Потом переводит взгляд на брата – тот с благоговением уставился на отца, в его глазах читается восторженное почтение, мол, так и надо с ними, с женщинами, поставь ее на место, папа. Кевар хочет ударить теперь и брата, да по сильнее, чтобы он никогда больше не поддерживал отца. Но он этого не сделает – он добрый и тихий мальчик, который боится темноты и монстров, что непременно должны прятаться под его кроватью. И он молчит, только тихонько, пока никто не видит, плачет от безысходности.

Та поездка закончилась трагично. Кевар так и не смог вспомнить, что же в действительности тогда произошло, вероятно, мать действительно в запале ссоры пришпорила коня чуть сильнее, чем нужно, и жеребец вместе с ней сорвался с обрыва в Синюю Пропать. В любом случае, в его глазах и тогда, и сейчас, в ее смерти был виноват отец.

Тогда у него случился первый серьезный провал в памяти – следующее осознанное воспоминание было уже с похорон матери. Кевар помнил чувство опустошения и отстраненности, и еще жуткий страх. Вот, собственно, и все. На этом фактически и закончилось его детство. Отец, и раньше не особо баловавший своим вниманием младшего сына, тощего, бледного и по-девичьи слабого, с тех пор и вовсе перестал смотреть в его сторону. Кевар был похож на мать, такой же светловолосый и сероглазый, с такими же узкими скулами, и, вероятно, Рор не хотел больше видеть сына, чтобы он не напоминал ему покойную жену.

В интернат его отправили на три года раньше положенного – одновременно с Крриком. Впрочем, для Кевара это не было печалью – он мог наконец-то вырваться из гнетущей атмосферы мрачных и помпезных поместий Аргомантисов, где он жил в вечном страхе перед гневом отца. Кроме того, это не было и проблемой – лет в семь стало очевидно, что, хоть младший лорд и не блещет, в отличие от отца и старших братьев, силой и красотой, но в уме, смекалке

и находчивости он давал фору и среднему брату, да и старший во время редких визитов в отцовский дом не раз попадался в хитроумные ловушки Кевара.

Так что с десяти лет он начал самостоятельную жизнь, где уже без каких-либо серьезных ограничений начал проявляться его своенравный характер и всеобъемлющее любопытство. При том, что он продолжал оставаться все тем же учтивым и добрым мальчиком, он сразу поставил себя в мальчишеском коллективе, где все были старше его на несколько лет, таким образом, что никому и в голову не приходило даже пытаться его шпынять. Он участвовал во всех играх и шалостях, а в большинстве даже выступал заводилой, так что благодаря его богатой фантазии и неумемной энергии в интернате постоянно нарушалась дисциплина. Ребята ночами выбирались за территорию школы и играли в заброшенных зданиях, которых в округе было немало из-за прошедшей пару десятилетий назад очередной войны. Они поджигали журналы с оценками и устраивали ловушки для преподавателей. Регулярно устраивались шуточные поединки, которые нередко заканчивались серьезными увечьями.

Кроме того, в интернате он познакомился со своим единственным действительно близким другом – генералом Фаэтоном Савоне. Вернее, тогда будущий генерал еще был молодым выпускником столичного университета, решившим пару лет позаниматься преподаванием и воспитанием детей подальше от Стольного Астероида. Возможно, именно навыки и сноровка, которые он получил за время общения с сорванцами, помогли ему через много лет стать кумиром и беспрекословным авторитетом среди солдат. Кевар не знал, что заставило Фаэтона уйти в армию и сделать там головокружительную карьеру, но тогда, в детстве, очень скучал по другу. Они с самого начала как-то очень прониклись друг другом, и старший товарищ учил маленького лорда всевозможным полезным наукам, начиная с истории и географии и заканчивая самообороной. Потом, через много лет разлуки, генерал Савоне без объяснения каких-либо причин забрал тогда еще младшего лейтенанта Аргомантиса из штаба армии за дальней линией тыла в свой легендарный отряд специального назначения, но сейчас Кевару было очень сложно что-то вспомнить из военного периода жизни – сплошь пробелы в памяти.

А во время его жизни в интернате провалы повторялись всего пару раз, так что он решил забыть об этой своей болезни, и она почти не напоминала о себе до самой войны.

Война... Память Кевара не захотела дальше мучать себя и его, и позволила ему забыться легкой дневной полудремой.

Глава 3

Омбро

Омбро уже много лет назад поняла, что единственное время суток, комфортное для нее – это ночь. Днем ей приходилось прятаться как можно дальше и глубже, чтобы оставаться невидимой, незаметной. Искусственного солнца, как на псевдопланетах вроде Стольного Астероида, она не видела давным-давно, и ее это вполне устраивало – их излишне стерильный свет напоминал ей освещение больничных палат. Солнце на настоящих планетах – другое дело, их ей за время странствий в последние годы все же доводилось видеть немало. Но, тем не менее, комфортно она себя чувствовала только ночью, когда на небе можно увидеть звезды, и, конечно, на борту кораблей. Вот и на этот раз она решила отсидеться днем и начать действовать ближе к темноте, когда солнце уже почти потухло на небосклоне.

Королевский дворец располагался севернее Аристократического Полумесяца, на полюсе Стольного Астероида. Величественное, многобашенное здание с арочными воздушными переходами, острыми шпилями и куполами-луковицами выросло прямо из глубин озера Пунги. Защитный энергетический колпак, закрывающий дворец, позволил сохранить его в первозданном виде, он ни разу не был разрушен, так что это было не только самое высокое, но и самое древнее здание во всей столице. Попастись во дворец можно было лишь по узкому длинному мосту, идущему по поверхности озера с севера от холма-полумесяца. Переправа представляла собой широкий прозрачный тоннель, образованный силовым полем.

Самые важные граждане государства, конечно, могли и пролететь сквозь купол, пройдя сложнейшую систему защиты, но таких людей насчитывалось едва ли больше сотни во всем королевстве. Если же какой-нибудь случайный пилот пытался пролететь через экран, а такое время от времени случалось, то на его похоронах гроб не требовался – в лучшем случае маленькая коробочка для праха. В общем, дворец был самым защищенным строением не только в столице, но и, пожалуй, во всем королевстве.

А Омбро нужно было попасть именно туда. Она придумала по меньшей мере два способа попасть во дворец: в грузовом транспорте по мосту либо на корабле одного из чиновников. Но оба этих варианта были совсем ненадежными – в случае, если бы ее обнаружили, весь план, построенный на скрытности, пошел бы ко всем чудовищам Бездны. Но ей, как всегда, повезло: изучая старые, давно забытые чертежи Нижнего города, она обнаружила странное белое пятно, расположенное прямо между Аристократическим Полумесяцем и дворцом. То есть везде вокруг этого места карта пестрела переходами, шахтами и лазами, а кусок камня под озером вокруг замка вдруг оказался девственно чистым. По опыту, это означало только одно – там есть как минимум один потайной ход, идущий под дном озера, и идущий не куда-то, а напрямик в подвалы дворца. Омбро разведала все лазейки в районе Аристократического Полумесяца и обнаружила, что все они замурованы, завалены или затоплены. Кроме одного, который начинался в склепе поместья какого-то древнего рода. Поместье стояло, судя по всему, пустым – в этот сезон почти все богатые семейства отправились в свои родовые дома в провинциях, чтобы отдохнуть от суеты столицы и продолжить загнивать в увеселениях и разврате на лоне природы. Омбро это было только на руку – лишнего шума она всегда старалась избегать. С массивным стальным люком в склепе, спрятавшимся за рядом надгробных камней, ей пришлось повозиться, но зато потом все пошло как по маслу – запыленный, весь в паутине, со склизкими стенками, но зато широкий и хорошо сохранившийся тоннель вел ее в верном направлении – на юг, к дворцу. Через какое-то время коридор разветвлялся на три рукава –

два боковых, скорее всего, вели к космопорту и Верховному совету, так что Омбро, не снижая темпа, продолжила движение прямо.

Тоннель шел сначала под сильным наклоном вниз, но потом начал потихоньку выравниваться, пока не стал абсолютно ровным и прямым. Стенки в отблесках фонаря теперь влажно мерцали – Омбро оказалась под озером. Через пару километров бега по абсолютно прямому коридору она начала уставать, но когда была уже готова остановиться и передохнуть, вдалеке замаячил тусклый огонек. Омбро торопливо выключила фонарик и уже в темноте, тихо и медленно начала красться к далекому источнику света. Как она и предполагала, это был конец коридора – каменная стена с массивной металлической дверью посередине. Над дверью слабо мигала красным лампочка, оплетенная толстой проволокой.

Ей повезло, что королевская гвардия не выставила охрану снаружи, и что тут не было камер – иначе ее бы уже давно заметили. Но надеяться на подобную удачу и дальше было бы высшей формой глупости – само собой, чем выше она будет подниматься по уровням дворца, тем сложнее будет остаться незамеченной и не наделать шума. Что ж, в любом случае, ей придется осуществить задуманное, даже если ради этого надо будет вырезать полгарнизона. О том, что в королевской гвардии состоят лучшие солдаты страны, она предпочла не думать, благо была вполне уверена в своих силах.

На этот раз она благоразумно не стала выламывать дверь, как накануне, у революционеров. Аккуратно вскрыла замок, приоткрыла дверь и тихо просочилась в щель. Судя по натужному скрипу, дверью не пользовались уже много лет, и это давало надежду на то, что в этой части дворца охраны все же будет немного.

Ориентироваться в темных, пустынных и запутанных лабиринтах подводной части дворца было непросто, но Омбро умудрялась двигаться достаточно быстро, каждый раз выбирая верное направление. Пару раз, правда, она чуть было не свернула в тупиковые коридоры, но вовремя успевала изменить курс. Сложно сказать, сколько ярусов она преодолела, прежде чем мрачные тоннели сменились не менее мрачными, но хотя бы освещенными залами знаменитых дворцовых темниц. В стародавние времена тюрьма под дворцом была забита битком, а про местные пыточные ходили самые жуткие легенды. Но после строительства нового объединенного здания тюрьмы и управления полиции всех государственных преступников перевели из старой темницы в новые камеры. Какое-то время по старой памяти сюда еще сажали самых злостных революционеров и недовольных, традиционно наматывали их конечности на дыбы, сажали на колья и травили ядами, но достаточно быстро новый король, оказавшимся значительно более либеральным, чем отец, повелел прекратить негуманные действия, осуществлявшиеся прямо под его резиденцией. Таким образом, уже без малого тридцать лет темницы большей частью пустовали. Конечно, часть из них переделали под хранилища, но этим освоение подземелий и ограничилось. Даже король уже сменился на троне, а применения заброшенным залам так и не нашли.

Тишину разорвал крик. Неистовый, звериный крик, но в нем явно слышались слова. Человек умолял убить его. Омбро остановилась посреди широкого коридора как вкопанная, настороженно вращая головой, стараясь определить, из какого направления доносятся вопли. То, что она сейчас слышала, немало ее удивило: да, она собственными глазами видела, что молодой король и его правительство творят на дальних рубежах страны, какие жестокие вещи происходят по приказу Его Величества, Светлейшего Пророка Круела Унгурабута. Но чтобы возобновились пытки в королевском дворце? Это казалось немыслимым, но, тем не менее, это, судя по всему, происходило прямо сейчас.

Конечно, она понимала, что ее цель куда важнее всего остального, что она не может позволить себе рисковать понапрасну. Но крики несчастного, подвергаемого пыткам, разносились по коридорам гулким эхом и отдавались у нее в голове как грохот пушек. Просто невозможно сосредоточиться.

Омбро свернула в боковой коридор и быстрым шагом направилась по направлению к источнику звука – человек кричал без остановки, и это помогало ориентироваться. Так что нужную комнату она нашла быстро. Металлическую дверь, висевшую на старых проржавевших петлях, Омбро выбила ногой. Сорвавшись с петель, дверь пролетела через полкомнаты, сшибая подвешенные к потолку крюки, ломая сложные механизмы. Палачей было трое. Пара совсем еще мальчишек, лет по тринадцать – вероятно, что-то вроде подмастерий. Они стояли с двух сторон от странной конструкции с огромными шестернями и крутили ручки, зажимая в шипастые тиски нижнюю часть тела окровавленного человека, распятого в недрах механизма. Рядом с головой жертвы, закрепленной металлическим прутком, сидела женщина. Красивая молодая женщина, облаченная в кожаный красный костюм (что в связи со спецификой работы было весьма практичным выбором). Черты лица, тонкие, аккуратные, нежные, выдавали в ней отпрыска знатного рода, но сиреневого цвета густая копна волос сразу снимала все вопросы о происхождении девушки – такой оттенок волос был только у королевской семьи. И она в данный момент собственноручно шпиговала веки живого человека тонкими длинными иглами.

Времени на раздумья не было. Пистолет в левой руке, два быстрых выстрела – и подмастерья на полу, с аккуратными отверстиями в юных головах. Сиреневоволосая оказалась проворней – быстрый прыжок, удар ногой в пах, и Омбро вылетела обратно в коридор. Она не поняла, когда и как аристократка успела активировать костюм, но он оказался не хуже, чем у Омбро. Темно-серый, с фиолетовым гребнем на голове и светящимися фиолетовым неоном визорами – и определенно из гвидония, потому что удар все же ощутимо прошел через броню Омбро и отозвался целым фейерверком не самых приятных ощущений. Вторым ударом сиреневоволосая уложила скорчившуюся от боли противницу на пол. Третий удар, впрочем, она не успела нанести – действуя на автомате, не обращая внимание на гул в голове, Омбро выхватила из поясных ножен узкий черный эфес меча и успела прислонить его к животу женщины, так что гвидониевый клинок, развернувшись по чешуйкам из пространственного кармана, прошел сквозь броню и тело аристократки, как нож сквозь подтаявшее масло. Резкое движение мечом вниз – и тугая струя крови хлынула на пол. С глухим стоном любительница пыток упала на камень, пытаясь из последних сил руками зажать огромную рану. Тяжело поднявшись на одно колено, Омбро подняла клинок двумя руками над головой и со всей силы вонзила его между глазными прорезями шлема. Пара конвульсивных движений – и сиреневоволосая застыла в луже крови.

Омбро попыталась подняться, но не смогла удержать равновесие и грузно повалилась рядом с трупом. Боль в паху все не проходила, гул в голове только усилился. Судя по всему, эта высокородная любительница пыток все-таки немного помяла ей шлем. Неприятное недоразумение, черт возьми. Она доползла до стены и привалилась к ней, стараясь дышать глубже и спокойнее. Через несколько минут боль начала отступать. Она осторожно ощупала шлем – тот повредился совсем немного, удар оказался слабее, чем она думала. Посмотрела между ног – там броня была вовсе не повреждена. Уже не так плохо.

Хотя теперь нужно было придумать, что делать с тремя трупами, один из которых раньше был, вероятно, племянницей или младшей сестрой короля. Омбро посидела еще немного, успокаивая нервы после выброса адреналина и размышляя над дальнейшими действиями. Что ж, выход был один. Она тяжело поднялась, поморщившись от остаточных болезненных ощущений, ухватила девчонку за ногу и затащила обратно в комнату, уложив рядом с парнишками.

Слишком много лишних трупов, а от незапланированных убийств всегда одна лишь головная боль. Кто ее заставлял тащиться в эту комнату, совать нос не в свое дело? Бедолаге с зажатыми в тисках ногами было уже не помочь – его хрипы и стоны почти стихли. Омбро решила подарить страдальцу быструю смерть и коротким взмахом клинка отрубила ему голову. Отскочив от пола, она укатилась куда-то за пыточную машину.

Времени на качественную зачистку у нее не было, поэтому она просто подняла дверь, протащила ее через комнату и приладила на изначальное место. Надолго это поможет, но она надеялась, что успеет завершить свои дела до того, как весь дворец превратится в жужжащий улей.

Дальше она двигалась настолько быстро, насколько могла, не привлекая внимания редких охранников, которых становилось все больше с приближением к жилым помещениям. Впрочем, Омбро без особых проблем умудрялась проскальзывать мимо них – где-то в тених, где-то – прячась за колоннами и гобеленами. До средних уровней, в которых располагалась нужная ей комната, она сумела пробраться без происшествий, что после недавней стычки немало ее удивило.

Омбро остановилась перед деревянной дверью, инкрустированной драгоценными камнями, самый маленький из которых был размером с кулак. Длинный коридор был в это вечернее время пуст – сейчас в тронном зале как раз проходила торжественная смена караула. Как Омбро и предполагала, королевская семья никак не ожидала нападения прямо в центре их крепости.

Она аккуратно открыла дверь и вошла в покои. Комната была обставлена богато, но не вычурно – большая кровать с балдахином, комод да столик у широкого окна. Все было в сиреневых и темно-серых тонах – геральдических цветах королевской династии. Отовсюду на непрошенную гостью злобно смотрел гербовый паук Унгурабутов – многоглазое чудище, выплетающее сиреневую паутину.

На кровати лежала пожилая женщина. Несмотря на преклонный возраст, она еще сохранила былую красоту – разве что было видно, что давняя болезнь сильно ее ослабила. Дыхание во сне было слабым и прерывистым, грудь едва поднималась под тонким шелковым одеялом. Омбро аккуратно присела на краешек кровати, рассматривая морщинистое лицо. Те же тонкие черты, что и у девушки, чье тело лежит сейчас в глубинах подземелий, тот же острый нос. Только сиреневые волосы обильно посыпаны сединой. Она нежно коснулась лица женщины тыльной стороной ладони, провела по щеке. У нее никогда не было ни матери, ни отца, вообще никого. Сирота, без рода и племени. Ей действительно было жаль эту старушку, такую безмятежную и спокойную. Она подарит ей смерть во сне. Она вообще старалась убивать безболезненно – один из уроков, полученных от монахов в Храме. Что ж, пришла пора поведать людям о милосердии и благородстве, о том, какой покой ее руками будет воцарен в стране. Да что в стране, во всех мирах Вселенной.

Омбро медленно вынула эфес и чиркнула острым лезвием по шее жертвы.

Детектив Теманов

Звонок по рабочему каналу застал детектива за приготовлением холостяцкого ужина. Он как раз аккуратно нарезал кубиками сочную иштамблскую грушу для десерта, когда компьютер-браслет завибрировал на правой руке. Поздний вечер после тяжелого рабочего дня – кого несет нелегкая? Он планировал провести следующий день, неожиданно оказавшимся выходным, как и всегда в последние годы – в гостях у матери и сестры, помогая им с домашними делами, да и просто наслаждаясь обществом любимых людей.

– Капитан Теманов? – раздался в развернувшемся шлеме голос лейтенанта Кин Хира. Он был еще совсем молод, лет на пять младше Джуджура, но опыт за плечами имел уже немалый; лейтенант не раз помогал своему начальнику в распутывании весьма сложных дел.

– Да, Кин, на связи, – устало вздохнул Теманов, втыкая нож в разделочную доску.

– Извиняюсь за поздний звонок, но дело срочное, – от этих слов по спине капитана пробежал неприятный холодок, – у нас тут еще одно убийство. Вам бы лучше как можно скорее прибыть во дворец, босс.

– В какой дворец?

– Королевский...

– Кто жертва? – Джуджур почувствовал, как у него екнуло сердце. Только не король.

– Мелария Унгурабут, королева-мать. Зарезана в собственной спальне, около двух часов назад. Почерк похож на вчерашний случай с казначеем.

– Великая Бездна! Буду через полчаса, ничего там пока без меня не трогайте.

До дворца детектив добрался даже быстрее, чем планировал – в это время на мосту совсем не было транспорта. Там, где переправа проходила через защитный купол, высились Озёрные Ворота – исполинское сооружение из того же сверхпрочного стекла, что и Галактика Памяти. Сами ворота сейчас были распахнуты настежь, но путь преграждали стоящие клином боевые галеры королевской гвардии; их мощные пушки все до одной автоматически навелись на подлетающий крохотный космолет капитана. Выкрашенные в цвета Унгурабутов остроносые тяжело бронированные космолеты с плазменными орудиями, торчащими над кабинами, и просто со стороны выглядели внушительно, но когда шесть таких орудий повернуты в твою сторону, очень хочется тут же исчезнуть куда-нибудь подальше. Переборов легкий укол страха, капитан снизил скорость и остановился перед заставой, поднял колпак кабины и представился. Один из гвардейцев, проверив жетон и документы полицейского, повернулся к своим и махнул им, чтобы пропустили. Оставив позади ворота, Джуджур облегченно выдохнул; до мраморной стены дворца он добрался без приключений. По всей прилегающей к дворцу территории сновало множество людей, в большинстве своем полицейские и гвардейцы. На лужайке перед парадным входом были припаркованы разномастные полицейские космолеты – судя по всему, здесь уже была половина центрального управления. Капитан опустил свой трясущийся и чихающий двигателем аппарат рядом с таким же стареньким двухместным космолетом лейтенанта Хира и быстрым шагом, почти бегом, через залы и коридоры дворца направился в покои королевы-матери. Зная, насколько легко заблудиться в огромном здании, капитан попросил одного из гвардейцев, стоявших на охране, проводить его до нужной комнаты. Тот пробурчал что-то про бестолковых полицейских, но просьбу выполнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.